

Храм художника Смехова

Яков ЗУБАРЕВ

Быть может, это и громко сказано: свой Храм. Нет в Иерусалиме у евреев своего Храма. Но мы помним свою историю, и одно из доказательств этому — Институт Храма, действующий в Иерусалиме и занимающийся всеми исследованиями, связанными с жизнью евреев в периоды Первого и Второго Храмов.

Руководит этим институтом уже многие годы известный авторитет в области науки и религии рав Исраэль Ариэль. Именно он увидел на одной из столичных выставок работы Зели Смехова. Пейзажи Иерусалима, прекрасно выполненные недавним московским, а ныне израильским художником, очень понравились, и рав Ариэль предложил мастеру оформить залы института живописными полотнами.

Заказ поначалу озадачил Смехова. Никогда прежде не доводилось ему писать на религиозные темы. Необходимо было просто все изучить с нуля: быт древних евреев, их традиции и нравы, архитектуру и одежду того времени. А главное, конечно, — веру, то, чем жил и дышал каждый наш предок.

Но за плечами художника стояла хорошая школа: Высшее художественное училище имени Сурикова, мастерская Академии художеств, и, приученный к любой работе подходить основательно, профессионально, он взялся за книги. Главной из них, конечно, стал Танах. И, глядя сегодня на картины, написанные Смеховым, не возникает даже тени сомнения в том, что рассказанные в них истории могли звучать по-другому. Впрочем, Зели ничего ведь и не придумал: он «только» проиллюстрировал то, что увидел в Книге Книг, что поняло его сердце.

...Известная всем легенда-быль: жерт-

воприношение Авраама. На желто-песчаных валунах, из которых наш праотец сложил жертвенник, на толстых — чтобы долго горели — ветвях сунуха лежит сын Ицхак. Это Всемогущий, испытывая веру будущего отца нового народа, требует принести в жертву собственное чадо. Смехов изобразил самый кульминационный и самый светлый миг этой трагедии. Яркий луч света упал с небес на лицо Авраама. И на лице

этом, мгновение назад решительном и мужественном, нескрываемом удивлении. А где-то далеко перед ними, высоко над горными кручами, сияет в облаках сказочное сооружение — обрамленная золотыми колоннами стена будущего Храма.

Я не религиозный человек. Но считаю, что каждый мало-мальски образованный представитель своего народа обязан знать и уважать его историю, традиции и веру.

Зели Смехов тоже не относит себя к приверженцам веры. Но, глядя на его полотна, в которых оживает главная Книга всех времен и народов — наша Книга, я испытываю, признаться, маленькое чувство зависти, что ему удалось внести свою скромную лепту в творчество своего народа.

А впрочем, почему скромную? Вот художник раскладывает передо мной целую серию книг. Прекрасно оформленные, красочно иллюстрированные, они изданы тем же Институтом Храма. Каждая посвящена тому или иному еврейскому празднику: Рош ха-Шана, Пейсах, Суккот, Шавуот. Вот отдельное издание о службе кознов в Храме, и среди авторов многочисленных иллюстраций — также Зели Смехов. Кажется, все известно, все знакомо, но, вижу, художника интересует не только чисто религиозное значение праздников и обрядов. В книгах немало жанровых, бытовых сценок из жизни простых евреев. Рука мастера умело воссоздает живую ткань давно минувшего времени: торпящихся на службу по узким улочкам ортодоксов, продавцов зерна и птицы, дворников, увлеченных игрой детей. Слово из сегодняшней жизни выхватил этих людей глаз художника, и только одежды выдают в них не наших современников.

Естественно, иллюстрации Книги Книг — не единственная сфера творчества художника. Это, скорее, счастливое совмещение его работы последних лет — в Институте Храма с неустанным стремлением к самовыражению своего творческого потенциала, с оформившимся именно здесь, на иерусалимской земле, самоощущением себя как еврея. А началось это оформление, конечно, еще в Москве, где он, сын известного художника Льва Смехова, стал не менее известным в столице художником-графиком.

Его брат, Вениамин Смехов, начав разбег со сцены Театра на Таганке, стал писателем, педагогом, режиссером, автором многих постановок за рубежом. Это я к тому, что талант в семье Смеховых — явление врожденное. Тринадцать полотен об агонии России (количество их выбрано, конечно, тоже не случайно) были созданы Зели Смеховым буквально в последние месяцы перед отъездом в Израиль и стали основой его первой в жизни персональной выставки, которая состоялась уже в Иерусалиме.

...Уже перед уходом Смехов предложил мне взглянуть на несколько офортов. Я взглянул — и захохотал от восторга. С небольшим по формату листов на меня смотрело волшебной красоты Лицо. Выщипывая морским перекатом волосы нежно обрамляли большие чуть раскосые глаза, а смуглый лик воплощал само Очарование. Словно вся Женская Красота была собрана в этом удивительном лице.

«Песнь Песней» — иллюстрации именно к этой книге выполнил совсем недавно художник по заказу одного из американских издательств. Скоро это подарочное издание, уникально оформленное, в кожаном переплете, выйдет в свет. И стану, уверен, для самого Смехова тоже личной Песней Песней.

О ДУШАХ НАШИХ, И НЕ ТОЛЬКО...

Есть писатели текста, есть писатели подтекста, есть писатели квазитекста... Наверное, каждый из них кому-то да нужен. Как нужны авторы немногословных боевиков, крутой порн... пардон, эротики, а также кроссвордов, шарад и гороскопов. Но включать все это в корпус большой Литературы — увольте.

Но есть и писатели, которых не читаешь — которыми живешь. Где не текст, не подтекст и не витиеватые переплетения заумных словес — «потоков сознания», а просто — Книга.

Оглядываясь на последние два-три года, можно с большой долей уверенности сказать: вопреки всему и вся настоящая израильская русская литература состоялась. Большая Алия вместе с частью «алии 70-х» породила упрямого, как факт, «нового человека» — израильтянина российского происхождения. И завершил его становление, знаменуя одновременно начало нового роста, роман Дины Рубиной «Вот идет Машаих!».

Первые ростки, впрочем, проклюнулись несколько раньше — в написанных в начале 90-х годов романах Давида Маркиша. Хотя и не во всех, а преимущественно в тех из них, которые затрагивали исторические корни русскоязычного еврейства, — например, роман «Шуты», опирающийся на историю евреев России времен Петра Великого.

Появились и книги второго слоя: Эфраима Бауха, Григория Кановича, Игоря Губермана, его «Пожилые записки», детективы Валентины Мальцевой (она же Иосиф Шагал) и Давида Кона, статьи и эссе Александра Гольдштейна (оговорюсь лишний

раз, что речь идет только о прозе — поэзия требует особого разговора). А про третий литературный слой — собственно биомассу — и говорить не приходится.

И наконец, после романов Д. Маркиша и незадолго до выхода в свет романа Дины Рубиной появился трехтомный эпос Грегория Свирицкого «Ветка Палестины». Это была уже серьезная заявка новой культуры. Эпос о нескольких еврейских семьях, борющихся в СССР за право выезда евреев в Израиль и вновь вынужденных бороться — уже за достойную жизнь в собственном, казалось бы, «доме», уже дышал той самой новой культурой, которой не находилось ни места, ни признания в израильском обществе.

К сожалению, об этом эпосе было сказано мало или вообще ничего — слишком вопиющими для критиков и журналистов оказались описанные в нем события.

И к не меньшему сожалению, сильный автор и прекрасный стилист Г. Свирицкий сам себе навредил стремлением рассказать обо всем как можно подробнее. Три тома — это все-таки «чересчур много даже для эпоса», тем более, что от целого ряда косвенных эпизодов можно было бы без труда отказаться ради выделения главного ядра книги: истории борьбы значительной части народа за право оставаться собой, будущи при этом неотделимой частью всего народа в целом, за право любить, защищать и обустроить свою страну по своему, а не по указке социал-большевистских чиновников.

По главному смыслу, книга Дины Рубиной — об этом же. Несравнимо по объему, но — обо всем о том же. И еще об одном —

том, что эта часть этого народа уже есть часть этой страны, со всеми ее болями и радостями, надеждами и трагедиями. Но она, эта часть, остается и останется собой, не подчиняясь никаким «вождям и учителям», не растворяясь в массе других, а впитывая традиции и ценности всех остальных. И своими духовными ценностями готова поделиться она со всеми, кто захочет принять этот дар — наследие многих великих и могучих культур, пропущенный через призму русского языка и ментальности новых израильтян русского происхождения и воспитания.

И сатира в ней — не сатира вполне, а горькая циничная улыбка бойца, который год живущего в аду ежедневных безмолвных сражений за выживание, прежде всего — с самим собой. Он-то знает истинную цену всему — и красивым словам, и благородным, на взгляд, поступкам, и кажущемуся отступничеству от «идеалов». Но это знание и эта адова усталость не делают из него «существо второго сорта». И в точности расставленных сатирических акцентах чувствуется пронзительная убежденность — если уже 70 лет большевистского террора не смогли нас сломать, то уж на своей земле, в своем доме никакой чиновно-исполнительский большевизм нас тем более не сломает. Мы — сильнее и мы — живем.

Явление израильской русской культуры «миру и городу» состоялось — как минимум, в литературе. Это уже не русская литература, не российская и не ивритская. Это принципиально новая литература, без лишнего двусмысленностей передающая сам ДУХ ЖИЗНИ.

И теперь только от всех нас зависит, что будет новое искусство, новая литература не остановилась на этапе состоявшейся, а получила свое дальнейшее развитие. Хотя бы и в постоянном ожидании Машаиха...